

Надгробная стела вольноотпущенника Филофема

16 июля 1947 г. при разведках древнего некрополя на Карантинном шоссе, производившихся Керченским гос. историко-археологическим музеем, было вскрыто поздне-римское погребение № 9, перекрытое тремя плитами местного известняка. В числе этих плит оказалась разбитая на две части надгробная стела с рельефом и надписью в 7 строк (рис. 1).

Рис. 1. Стела вольноотпущенника Филофема.

Общие размеры стелы $1,32 \times 0,49 \times 0,15$.

Стела увенчана слегка выступающим карнизом, под ним плоский фронто́н с тремя высокими круглыми акротериями. В тимпане фронтона изображена патера, по сторонам фронтона—две розетки, под фронтоном—три розетки. Ниже—углубленное прямоугольное поле с рельефом.

Изображена стоящая в три четверти вправо в традиционной «траурной» позе мужская фигура в коротком хитоне и плаще. Лицо обрамлено густыми кудрявыми волосами. Перед ним стела или колонна, на которую он опирается локтем левой руки и кистью правой. Справа традиционная маленькая фигурка слуги в коротком хитоне с сосудом неясной формы в поднятой правой руке и кувшином в опущенной левой.

Под рельефом надпись:

ΦΙΛΟΦΗΜΟΥ ΤΩ ΚΑΙ ΛΑΙΟΝΑΚ
 ΝΑΚΩΙΑΝΕΔΕΥΘΕΡΩΙ
 ΜΗΝΟΦΙΛΟΥ ΤΗΝ ΣΤΗ
 ΛΗΝΑΝΕΣΤΗΣΕΝ ΠΟ
 [Ν]ΤΙΚΙΩΝΟΔΕΛΦΟΣ
 ΜΝΕΜΟΧΑΡΙΝΕΝΤΩΙ
 ΜΥΤΕΤΕΙ

Как видно, надпись легко читается:

Φιλοφῆμος τῷ καὶ Λαίονα-
 νάκῳ ἀπελευθέρῳ
 Μηνοφίλου τῆν στή-
 λην ἀνέστησεν Πο-
 [ν]τικίων ὁ ἀδελφὸς
 μνήμ(η)ς χάριν ἐν τῷ
 μῦ' ἔσται

Перевод: «Филофему, он же Лайонак, вольноотпущеннику Менофила, эту стелу поставил брат Понтикион на память в 440 г.».

Стела была разбита на две части при ее вторичном использовании для перекрытия гробницы. Излом приходится по рельефу, пересекая ноги главной фигуры, нижнюю часть стелы и маленькую фигурку на уровне пояса. Нижняя часть стелы [обломана. Поверхность рельефа сильно повреждена, в частности сбиты лица обеих фигур. Сохранность орнамента в верхней части стелы хорошая. Хорошей сохранностью отличается также надпись, сбита только первая буква пятой строки.

В шестой строке в слове μνήμης резчиком пропущена буква η. В первом слоге того же слова вместо η вырезан ε. В первой строке в члене τῷ пропущена адскрипция.

Высота букв колеблется до 0,02 до 0,035. Характерны для II в. н. э. формы букв ε и лунарная С. Интересно двойное имя умершего—Φιλοφῆμος ὁ καὶ Λαίονακος: Филофем, он же Лайонак. Примеры таких двойных имен встречаются в надписях Северного Причерноморья. Можно указать на херсонесское надгробие Севиры сына Лиллона,

он же Лиллис (Σεβηρᾶς Λίλλωνος ὁ καὶ Λίλλης)¹. Имеются аналогичные примеры также в танаидских надписях фиасотов, как, например, имя жреца Καλλισθένης Πάππου, ὁ καὶ Φυλόχωνος² или синагога Ἰερουσαλὴμ τοῦ β', ὁ καὶ Δουναῖος³.

Имя Филофем, как указал мне академик И. И. Толстой, приходится, повидимому, считать именем раба, что стоит в полном согласии с указанием надписи на то обстоятельство, что умерший был вольноотпущенником некоего Менофила.

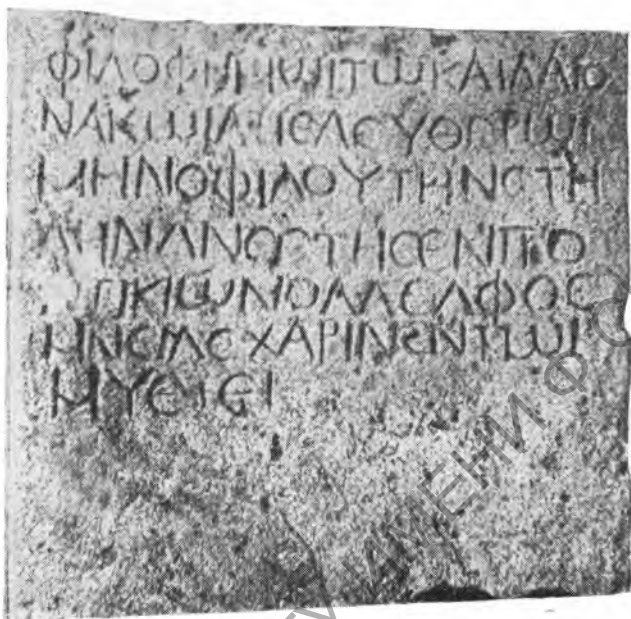

Рис. 2. Надпись на стеле.

Что касается до второго имени умершего—Лайонак,—оно, очевидно, является местным, скорее всего, сарматским и находит аналогию в многочисленных варварских причерноморских именах с суффиксом, которые В. Миллер считал иранскими, как например, Ἀυδά[ν]ικος, Λιγυαῖος, Μαρξαιος, Ἰσσοαρακος, Σφραχκος, Ἰσφραχκος, Θάφρακος и др.⁴.

Что касается имени Μηνόφιλος, то это обычное греческое имя, неоднократно ранее встречавшееся в боспорских надписях⁵.

Имя Πουτχιών также греческое, может быть, уменьшительная форма от имени Πουτχιός, много раз встречавшееся в боспорских надписях⁶ и в надписях Ольвии⁷ и Херсонеса⁸.

¹ IOSPE, I, 491; IV, 114.

² IOSPE, II, 448.

³ IOSPE, II, 451. За указание на танаидские надписи считаю своим долгом принести благодарность Т. Н. Книпович.

⁴ В. Миллер, К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. ИАК, 47, стр. 80 сл.

⁵ IOSPE, II, 438, 443, 444, 447, 451, 457; IV, 324, 432.

⁶ IOSPE, II, 441. Можно указать также на имя главного аланского переводчика Ἰερμαῖος Πουτχιῶν в надписи 208 г. н. э., изданной В. В. Шкорпилом, ИАК, стр. 113, № 28.

⁷ IOSPE, I, 50, 65, 75, 79.

⁸ IOSPE, IV, 112.

Текст надписи не оставляет полной ясности в том, нужно ли считать Понтикпана поставившего стелу, братом умершего или братом его бывшего хозяина Менофила¹.

Стела датирована 440 г. боспорской эры, т. е. 143 г. н. э. Эта дата делает стелу особенно интересной, так как увеличивает известный до сих пор список датированных боспорских стел.

В связи с этим интересно проанализировать рельеф этой стелы с иконографической и со стилистической точки зрения.

Изображение мужской фигуры, опирающейся на колонку, является одним из обычных мотивов на боспорских надгробных стелах. Наиболее близкие аналогии к стеле Филофема дают две стелы Маста, сына Маста, поставленные двумя различными фиасами одному и тому же лицу², и стела Сайя с надписью синода, найденная в 1907 г.³. Все эти памятники, датированные Кизерицким и Ватцингером I в. н. э., близки к стеле Филофема не только по общей композиции рельефа, но и по архитектурно-декоративному оформлению верхней части стелы: весьма сходны формы фронтона, акротериев, розеток.

На всех упомянутых стелах умерший изображается в традиционном костюме боспорского воина, являющемся своеобразным сочетанием сарматского костюма с греческим. Он одет в штаны, короткий кафтан и плащ, на ногах сапоги. На боку у него висит меч, рядом изображен повешенный на стене горит с привязанным к нему коротким кинжалом. На стеле Маста рядом с колонной изображен большой овальный щит, за ним два копыя. Мотив фигуры воина, опирающегося на стелу или колонку, неоднократно заменяется мотивом воина, опирающегося на щит⁴.

Фигура воина, опирающегося на колонку, изображается и в боспорской живописи, — этот мотив имеет место в росписи керченского известнякового саркофага I в. н. э. в Эрмитаже. Воин также одет в традиционный боспорский костюм, рядом с колонкой висит горит, позади фигуры воина виден его конь.

Все эти детали, характеризующие умершего как воина, отсутствуют на стеле Филофема: у него нет никакого оружия, и хотя плохая сохранность рельефа не всегда дает возможность разобраться в деталях его костюма, но, по видимому, его одежду следует считать скорее греческим коротким хитом — он несколько длиннее обычного боспорского кафтана, доходит почти до колен и лежит складками. Никаких признаков штанов и обуви проследить не удается⁵.

На стеле Филофема имеется фигура мальчика-раба, отсутствующая на всех вышеприведенных памятниках. Эта традиционная фигура встречается на стеле Базилида, сына Базилида⁶, и на стеле Мастара, сына Филонида⁷, близких по сюжету и композиции ко всей приведенной выше серии памятников. На стеле Мастара, сына Филонида, руки мальчика отбиты, поэтому остается неясным, какой предмет он держал. На стеле Базилида, сына Базилида, он держит шлем, который передает воину. На

¹ На вероятность этого второго толкования указал мне академик И. И. Толстой.

² OAK, 1875, табл. XXV, 1876, стр. 213 сл.; 300 X табл. X, стр. 12; Толстой и Кондаков, Русские древности. I, стр. 29. IOSPE, II, 61, 62; Kieseritzky-Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, №№ 454, 455, тбл. XXXIII. Сходный мотив имеет место на стелах K—W, № 453, табл. XXXII, № 694, табл. I, № 718, табл. 11.

³ K—W, № 455; В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1907 г., ИАК, вып. 27, № 1, стр. 42 сл. № 1.

⁴ IOSPE, II, 61; K—W, № 455.

⁵ Единственным известным мне примером изображения мужской фигуры, опирающейся на колонку, одетой не в традиционный костюм боспорского воина, а в хитом и плащ, является стела Анниона K—W, № 514, табл. XXXVI.

⁶ K—W, № 494, табл. XXXV.

⁷ K—W, № 529, табл. XXXVI.

стеле Филофема мальчик держит в правой руке сосуд, поврежденный настолько, что установить его форму не удастся, но в левой руке он держит кувшин, ясно указывающий на возлияние, т. е. он совершает акт адорации героизированного умершего, подобно слугам на стеле с изображением сцены загробной трапезы¹ и на некоторых стелах с изображением всадника².

Стилистический анализ стелы Филофема затрудняется сильным повреждением ее поверхности, но некоторые наблюдения сделать можно.

Следует прежде всего отметить, что в самой композиции рельефа и постановке фигуры имеют место существенные отличия от всей вышеприведенной серии боспорских стел, которые датируются еще I в. н. э.: во всех этих рельефах фигуре придан более или менее значительный наклон, ясно выражен мотив ее опоры на колонну. Этого мотива нет в стеле Филофема. Наиболее близкую аналогию к прямолинейной постановке его фигуры дает стела Сайя, но и там ноги даны в более разнообразном движении. В положении фигуры мальчика допущена архаическая условность: при почти фронтальной постановке фигуры ступни ног повернуты в профиль, к Филофему.

Все эти черты условности, отказ от свободного движения в пространстве, связаны, очевидно, с тем, что стела Филофема является одной из наиболее поздних боспорских стел с рельефом.

Мы знаем ряд датированных боспорских стел первой половины II в. н. э. Таковы стела Онисима, поставленная его другом Каллисфеном в 113 г. н. э., с изображением двух стоящих в фас воинов³, и две стелы, датированные 130 г. н. э., двухярусная стела Мемнона, сына Аминия (в верхнем ярусе изображен всадник, в нижнем—сидящая женщина и стоящий перед ней мальчик)⁴, и стела Аристида и Пантоника, сыновей Апфа, и их матери Лаудики⁵. Две последние стелы отличаются резко выраженной плоскостью, полным отсутствием пластической моделировки формы—все детали даются врезанными линиями. Стела Филофема не отличается такой плоскостью и схематизмом. Обе фигуры значительно более объемны, чем на стелах 130 г. При всей условности в изображении ног мальчика они не отличаются такой полной прямолинейностью, как ноги маленьких фигурок на стеле Аристида и Пантоника. Значительно большей объемностью по сравнению со стелой Мемнона отличаются также руки Филофема.

Судя по сохранившимся волосам Филофема, он обладал густой, рельефно трактованной шевелюрой. Можно предположить, на основании этой детали, что лицо его отличалось той выразительностью в характеристике этнического типа, которую мы видим на некоторых из лучших боспорских стел более раннего времени⁶.

На основании всего этого можно сделать вывод о том, что нельзя представлять себе эволюцию стиля в боспорском надгробном рельефе как постепенное нарастание условности и утраты пластического мастерства. Повидимому, в позднем боспорском рельефе существовали различные течения и оттенки стиля.

¹ Например, К—W, № 691, табл. I, № 712, табл. LII, № 724, табл. LIII, № 720, табл. LIV, № 730, табл. LIV, № 732.

² Например, двухярусная стела Афения, сына Менаса, К—W, № 650, табл. XLVI, стела Мемнона, сына Аминия, К—W, № 614, табл. XLII, стела Теодора, сына Струния, К—W, № 608, табл. XLII или стела Стратоника, сына Зенона, ИАК, 54, рис. 2, № 5, стр. 72. Тот же мотив имеет место в росписи склепа Анфестерия, АДЖ, табл. LI, 6 и в склепе 1875 г. АДЖ, табл. LXXV, 2, XXIII, 4, где, как и на стеле Филофема, в опущенной левой руке мальчик держит кувшин.

³ К—W, № 281 табл. XIX.

⁴ К—W, № 614 табл. XLII.

⁵ К—W, № 272 табл. XVIII; В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические находки 1901—1903 гг., ИАК, 10, № 94, стр. 82.

⁶ Например, К—W, № 226 табл. XV или № 335, табл. XXIII.

В то же время находка этого памятника с такой сравнительно поздней датой заставляет задуматься о том, правильно ли установившееся представление о полном исчезновении искусства надгробного рельефа на Боспоре в середине II в. н. э.¹

А. П. Иванова

Надпись на гребне из Черноморья

Гребень, деревянный, с остатками позолоты на краях, из неизвестных раскопок на юге СССР поступил в Отдел нумизматики Гос. музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 1933 г. (инв. № 20736). Размер 14×12. 4×66 см (рис. 1).

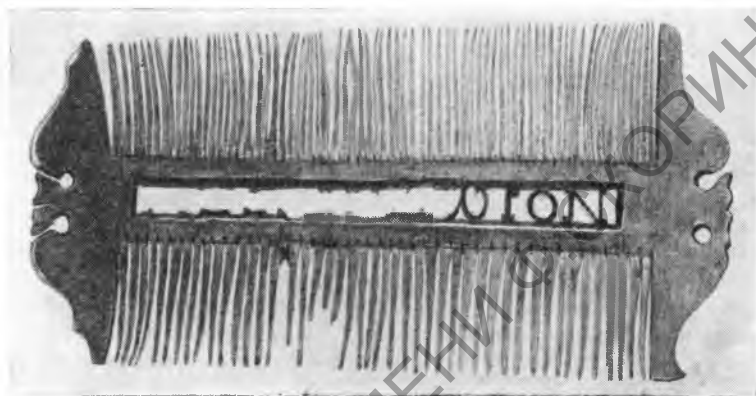

Рис. 1. Деревянный гребень. Гос. музей изобр. искусств.

Однострочная греческая прорезная надпись посередине, тончайшей ажурной работы, делит гребень на две части, верхнюю—с частыми зубьями и нижнюю—с более редкими. Первоначально гребень был расколот на три части, но восстановлен реставратором Музея М. А. Александровским. От надписи сохранились три полные буквы: Ρ, Ο, Ν, и половина φ, нижние основания семи букв и кое-где верхние их точки. По начертанию Ρ и Ν ясно, что четыре наиболее сохранившиеся буквы образуют правую конечную часть надписи; буква перед Ω, несомненно, Δ, таким образом получается слово δῶρον — дар, подарок. Если этот гребень является даром кому-нибудь, следовательно, предыдущее слово должно стоять в дательном падеже. По остаткам букв на нижней и верхней рамке просвета мы можем восстановить окончание дательного падежа женского рода Η и Ι adscriptum, тесно примыкающую к Δ. Далее, влево, идет пустое пространство, трудно восстанавливаемое; здесь могло стоять не более двух букв. От первой буквы слова мы имеем внизу два возвышения над нижней строчкой и одну точку

¹ В связи с этим интересно напомнить об одном оригинальном памятнике, опубликованном в свое время В. В. Шкорпилом («Боспорские надписи, найденные в 1913 г.», ИАК, 54, стр. 66 сл.). Это два фрагмента стелы с рельефами, из которых один изображает всадника, а другой — двух животных. В. В. Шкорпил понимает это изображение как медведя, нападающего на коня, и сравнивает его с медведем Стасовского склепа; оба рельефа окаймлены оригинальным, не находящим аналогии в боспорских стелах орнаментальным бордюром с изображением лавровой ветви: под рельефом, изображающим животных, сохранилась фрагментированная надпись с именем царя, Хедосбия, по толкованию В. В. Шкорпила, который датирует надпись концом III в., относя к этому времени правление не известного до сих пор царя Хедосбия. Если датировка В. В. Шкорпила правильна, тогда приходится предположить, что традиция изготовления надгробных стел с сюжетным рельефом сохранялась и в III в.

посередине наверху. Буква была треугольная: А или Λ. От второй буквы мы имеем нижнюю линию с двумя наклонными возвышениями на концах, направляющимися вверх, к центру; здесь может быть только Δ (так как линия внизу слишком длинна для нижней линии букв Β, Ψ или Ξ). От третьей буквы сохранилась нижняя линия полностью и слева фрагмент перпендикулярной линии, а также точка наверху. Эти остатки могут принадлежать только к начертанию буквы ε. Таким образом у нас получается следующая реконструкция: ΑΔΕ?? ΠΔΡΟΧ (рис. 2). Недостающие две бук-

Рис. 2. Реконструкция надписи на гребне.

вы восстанавливаем как Λ и Φ, по размеру своему соответствующие пустому пространству в надписи, и читаем так: 'Αδελφῆ: Δῶρον—Подарок сестре.

По начертанию букв гребень можно датировать I—II вв. н. э. (IPE, IV, № 231, 115; П к о р п и л, Боспорские надписи, найд. в 1913 г., СПб., 1914, № 6, стр. 12).

Среди южнорусских древностей Черноморья находки деревянных гребней, как с надписями, так и простых, уже встречались (см. S. Reinach, *Bosph. Cim.*, стр. 26, 50, 51, 52, 136; *Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis 1889—1894*).

Рис. 3. Надпись с аналогичного гребня.

I, Surutschau et V. Latyschev, *Petropoli*, 1894, § 37, табл. VII). Обычно они изготовлялись из кедрового дерева с позолотой и лежали в деревянных шкатулках, или футлярах, также из кедра. Тщательная и тонкая работа на дереве, изящно вырезанные буквы, наличие позолоты, а также присутствие таких гребней в богатых погребениях (S. Reinach, *Ит.* соч., стр. 50) говорит о том, что они были в употреблении у зажиточных женщин.

Аналогичный гребень с надписью, подтверждающий правильность нашей реконструкции, происходит из Керчи и находится в Эрмитаже, другой такой же гребень, присланный Перовским в 1853 году, издан у S. Reinach'a, табл. LXIX, стр. 136 (рис. 3).

Повидимому, и наш гребень—из тех же мест Керчи и окрестностей и, возможно, изготовлен в той же мастерской.

В связи с вышесказанным нельзя не упомянуть еще об одном интересном кипарисовом гребне, изданном Суручаном и Латышевым в указ. выше работе (§ 37, табл. VII, стр. 19—20) с надписью, в деревянном футляре (рис. 4), найденном в 1894 г. в Керчи, в Татарской слободе, в женском погребении с другими вещами, отличающимися изысканностью.

Деревянный гребень, разделенный надписью на две части,—нижнюю—с частыми зубьями и верхнюю с более редкими (размером 11,3 × 4,8 см), лежал в изящном, деревянном же, орнаментированном со всех сторон, футляре¹. От вышеописанных гребней

¹ Вместе с гребнем лежали: стеклянный сосуд, наподобие пузыря, с узким горлом и двумя ушками, редчайшей формы, 10 см вышины; деревянный ларчик, разбитый, на одном из отщепов которого сохранилось бронзовое кольцо с запором.

он несколько отличается и внешним видом, отсутствием дырок по бокам и меньшим размером и содержанием надписи.

По реконструкции В. В. Латышева, первое слово надписи,—или собственное имя Τειμ[η] , или глагол εἶμ[ι] ; второе слово— $\delta\acute{\omega}\rho\omicron\nu$. Следовательно, он читал $\text{Τειμ[η] Δ\acute{\omega}\rho\omicron\nu}$ —дар Тейме, или $\text{Εἶμ[ι] δ\acute{\omega}\rho\omicron\nu}$ —подарок.

Издатель говорит, что имени Τειμ[η] до сих пор нигде не встречалось в греческих колониях юга СССР (и в словаре Папе и Бензелера его нет). При втором же варианте реконструкции $\text{εἶμ[ι] δ\acute{\omega}\rho\omicron\nu}$ издатель признает, что перед глаголом εἶμ[ι] есть еще какал-то буква, верхняя часть которой отбита. Издатель добавляет, что кто-

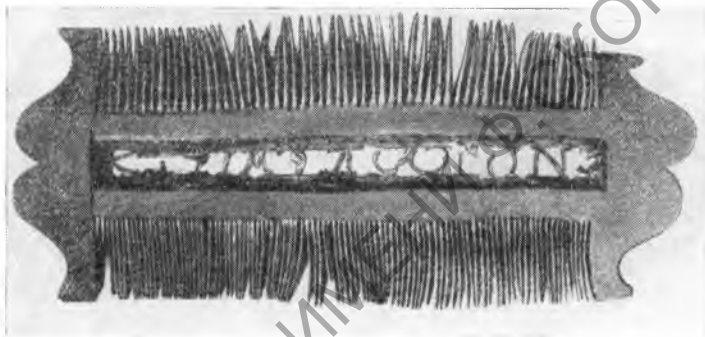

Рис. 4. Гребешок с футляром из Керчи (фотогр. из книги *Inscriptiones graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) Museo Suritschaniano, quod est Kischinevi inlatae. Petropoli 1894. Tab. VII.*

нибудь, может быть, предложит другую реконструкцию надписи. Пользуясь этой оговоркой автора, решаюсь предложить следующую реконструкцию: первой буквой надписи является К, сохранившаяся полностью и ясно видная на фотографии, вторая, вероятно, ι, третья—половина λ (ср. λ в гребне, изданном у Reinach'a), четвертая буква—?, пятая буква—Н (см. начертание Н в гребне, изданном у Reinach'a), далее должна стоять ι adscriptum, от которой сохранилась точка наверху, далее листик, разделяющий одно слово от другого. Слово $\Delta\acute{\omega}\rho\omicron\nu$ ясно читается. Следовательно, мы читаем $\text{Κιλίη[ι] Δ\acute{\omega}\rho\omicron\nu}$ —Подарок Килии.

Имя Килия встретилось на юге СССР в надгробной надписи, найденной в Херсонесе, посвященной Килии, дочери Аполлония, жены Аеплла, римского времени (IRE, Petropoli, 1885, N. 217).

Следовательно, теперь нам известны четыре деревянных кипарисовых гребни с однострочной надписью, начертаниями своими говорящей о дате I—II в. н. э.

Все эти гребни, одинаковой резьбы, были, повидимому, работой одного мастера или одной мастерской, находившейся в Пантикапее. Пользовались ли ими в быту или предназначались они для загробного употребления.—трудно сказать. Всего вероятнее, что в быту ими не пользовались, так как хрупкие буквы надписи могли сломаться при неосторожном прикосновении к ним пальцами.